

анализированных нами, лишь 27 % несут в себе творческую, индивидуально-авторскую составляющую, содержат потребность не только в именовании предмета, но и в формировании у реципиента адекватного содержания и восприятия номинации: *Белорусские продукты. Тот самый вкус* (Народная газета, 17.07.2015); *Без белорусских присмакаў стол неполон* (СБ, 20.08.2015); *Шашлыки по-белорусски на берегах Волги* (Рэспубліка, 16.01.2008). Для создания успешного стереотипа важен баланс в чередовании экспрессии и стандарта, но, к сожалению, в текстах на данную тему этого не наблюдается.

Как видим, данная номинация нуждается в дальнейшем продвижении, т. к. имеет для этого необходимый потенциал, который заключается в возможности авторского включения как в переосмысление самого именованного, так и в создание перлокутивного эффекта посредством оптимального моделирования локутивно-иллокутивного процесса.

Литература

1. Іўчанкаў, В. І. Дыскуср беларускіх СМІ. Арганізацыя публіцыстычнага тэксту. – Мінск: БДУ, 2003. – 257 с.
2. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста / Н. И. Клушина. – М.: МедиаМир, 2008. – 248 с.
3. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. – 383 с.
4. Цыгульский, В. Ф. Диалектика истории человечества / В. Ф. Цыгульский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.e-reading.by/bookreader.php/1044016/Dialektika_istorii_chelovechestva_Kniga_19.pdf. – Дата доступа: 14.11.2016.

Юлия Яковлева

*Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Россия)*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ВИД РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ (на материале газетно-журнальной полемики 1920-х гг.)

Речевая агрессия стала объектом специального изучения в лингвистике относительно недавно, в конце XX столетия, в связи с возрастанием внимания к различным видам коммуникативной деятельности человека. В соответствии с определением «Стилистического словаря»,

речевая агрессия – это «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности, манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [16]. Л. Енина считает речевую агрессию сферой «речевого поведения, которая мотивирована агрессивным состоянием говорящего» [7, с. 105]. По мнению Е. Вартановой [2, с. 19], речевая агрессия является частью агрессии как естественного биопсихологического феномена, поддерживает социальное и психологическое неравноправие коммуникантов, направлена на снижение социального статуса адресата, его подчинение, на отрицательное эмоциональное воздействие. С точки зрения Т. Воронцовой [5], агрессивное речевое поведение преследует цель деформировать любую сферу коммуникативного пространства.

Таким образом, речевая агрессия трактуется сегодня широко – от использования стилистически маркированных языковых средств до целенаправленного подавления речевой деятельности оппонента. При всем разнообразии подходов большинство лингвистов согласно в том, что речевая агрессия – многоаспектное явление. Она может проявляться на разных языковых уровнях, реализуясь в способах оформления мыслей и построения текста, в использовании лексических и грамматических средств языка.

В статье рассматриваются примеры проявления речевой агрессии в дискуссионных материалах советской прессы 1920-х гг. В этот период велась острая полемика о перспективах культуры, в частности – литературы. В числе проблем, вызывавших бурное обсуждение, – роль искусства в общественной жизни, приоритет вдохновения или социального заказа, отношение к буржуазному наследию. Главными центрами литературной борьбы стали журнал пролетарских писателей «На посту» (впоследствии «На литературном посту»), футуристический «ЛЕФ» (затем «Новый ЛЕФ») под руководством В. Маяковского и журнал «Красная новь», объединявший так называемых попутчиков.

Каждый из участников литературных баталий стремился понизить социальную значимость своих противников с помощью разнообразных дискурсивных приемов. Одним из способов выражения негативной оценки и иронии, а также повышения экспрессивности текста становится **интертекстуальность** [12].

Наиболее простым и эффективным способом придания дополнительного веса своей позиции в полемике является **цитирование** высказываний людей, пользующихся в определенный период большим влиянием, в том числе политическим. Цитаты в журнале «На посту» часто

содержат негативизмы, например: «Они могут предложить публике совсем уже скромный и нес plus ultra современный матчиш, где блудливое воображение и бесстыдное перо сочетают величайшее из того, что мы видели, с мерзейшим из того, что выискали они в клоаках всемирной истории» (Л. Каменев) [3, с. 28]; «Художник, для которого революция теряет свой аромат... есть пустышка и дрянцо...» (Л. Троцкий) [8, с. 78]. Данную привычку «напостовцев» подкреплять свои мысли цитатами политиков высмеивают оппоненты: «Ведь не плохи они, цитаты эти, но нельзя же только одними цитатами мыслить... Ведь т. Троцкий за всех вас... не может же отдуваться» [6, с. 14].

Для выражения насмешки над противником полемисты используют **прецедентные феномены** [9], к которым относятся прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентное имя. В полемических статьях рассматриваемого периода обнаружено большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок. Обычно авторы подвергают их трансформации для придания устойчивым выражениям актуальности и конкретизации его негативной оценочности. Иногда достижению этой цели служит замена всего одной буквы. Так, превратив «лес» в «ЛЕФ» («Кто в Леф, кто по дрова» [11, с. 3], «за деревьями Лефа не видно» [13, с. 38]), авторы высмеивают своих оппонентов с «древесными» фамилиями: Сосновский, Дубовский, Осинский.

В других случаях актуализации фразы способствует замена слова, например, слова «карты» на слово «статьи»: «Если Левидов считает, что превращение публичного приема в публичный дом – подходящее для Лефа занятие, ему и статьи в руки» [14, с. 30]. Вероятно, желая избежать обвинений в банальности, авторы пересказывают и по-своему интерпретируют прецедентные высказывания. Так, в выражении «историческое забрызгивание слюной вражеских глаз» [6, с. 16], возможно, не сразу узнается фразеологизм «плевать в глаза».

Для негативной характеристики оппонента может использоваться и прецедентное имя. Так, фраза А. Воронского «Они [Авербахи] метят в Катоны, но мы-то знаем, что в них больше от Хлестакова и Ноздрева» [4, с. 201] однозначно указывает читателю на то, что амбициозный лидер Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) Л. Авербах в глазах главного редактора «Красной нови» является всего лишь хвастуном и лгуном.

Прецедентное имя может использоваться полемистами для выражения иронии. Так, комический эффект частушечного двустипшия – «Те о хрене, а те о редьке, Одно слово – теоретики» [13, с. 38] – усиливается указанием его мнимого и наименее вероятного авторства: «говорил Гомер».

Чтобы оценить ироничность характеристики, данной автором своему противнику: «Он – столп и утверждение истины» [4, с. 197], читателям статьи А. Воронского «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» было необходимо знакомство с текстом Библии или, по крайней мере, с названием религиозно-философского труда П. Флоренского «Столп и утверждение истины» (1914). Заголовок этой статьи также прецедентен. «Мистер Бритлинг пьет чашу до дна» – название антивоенного романа Г. Уэллса. Напоминая таким образом о газовых атаках Первой мировой войны, жертвами которой стали герои книги, А. Воронский иронически жалуется на перспективу «задохнуться от “литературных газов” Авербахов» [4, с. 203].

«Заголовочное» цитирование [12, с. 146] вообще широко применяется в полемической публицистике для выражения насмешки над оппонентом. Так, желая высмеять воинственность «ЛЕФа», один из авторов журнала «На посту» озаглавливает свою статью «Как ЛЕФ в поход собрался» [14, с. 29], перефразируя строчку из не вполне пристойной народной песни «Мальбрук в поход собрался». «Песня эта, как известно, не новая и припомнить ее не трудно, – комментируют левовцы. – Песня эта поется т. Родовым на мотив, который и шарманке хрипеть стыдно» [6, с. 15].

Интертекстуальность полемической статьи создается также с помощью приема, особенно характерного для напостовцев: поворачивать найденные противниками образы против них же самих. Так, «рвотной порнографией» [3, с. 19] автор журнала «На посту» именуется анализируемые им произведения по аналогии с названием одного из них: «Рвотный форт» Н. Никитина. «Лаконичной пошлятиной» [3, с. 23] является, по мнению напостовца, повесть О. Брика, которая сопровождается в «ЛЕФе» комментарием: «Опыт лаконичной прозы на сегодняшнюю тему». «Поэтическая белка» [10, с. 145] – один из подзаголовков статьи в журнале «На посту», посвященной В. Маяковскому. «Поэтическая белка» – образ из поэмы В. Маяковского «Про это». Озаглавив свою критическую статью «Бывший главсокол, ныне центроуж» [15, с. 85] с подзаголовком «О революционных темах, мудрости Ужа, рабах идеи, невинных цыплятах и... Максиме Горьком», автор заимствовал образы сокола и ужа из «Песни о соколе» М. Горького.

В полемике рассматриваемого периода применяется также прием развития прецедентных ситуаций. А. Воронский иронически предполагает, что «новый вождь, учитель жизни и властитель напостовских дум, он же Леопольд Авербах, вдохновенно наименовал... <его> Карфагеном, лишь из скромности умолчав о себе, что именно он – неподкупный Катон» [4, с. 196]. Поводом для шутки послужила фраза Л. Авербаха (использовавшего прецедентное выражение «Карфаген должен быть

разрушен», принадлежащее древнеримскому политику Марку Порцию Катону) – «Воронский Карфаген должен быть разрушен» [1, с. 20]. «Вы, о, Катон» [4, с. 200], «Дорогой Катон» [4, с. 201], – обращается А. Воронский к оппоненту. Свой отказ подчиняться руководителю РАПП главный редактор «Красной нови» объясняет тем, что «новонапостовский Катон» [4, с. 198] не обладает добродетелями сурового римлянина, поскольку «не пристало Катону заниматься мелкими и крупными передержками и подтасовками, а он занимается, и еще как!» [4, с. 197]. Данный прием можно назвать своего рода эффектом бумеранга. Прецедентное высказывание, употребленное как средство речевой агрессии одним участником полемики, послужило для активизации прецедентного имени его противником, использовавшим это имя для выражения иронии и негативной оценки по отношению к оппоненту, который первым затронул данную тему.

Рассмотренные примеры показывают, что интертекстуальность является частым свойством полемического материала. При этом заимствованные фрагменты имеют различную степень интегрированности в текст статьи: от соответствующим образом оформленных цитат до трансформированного, иногда до неузнаваемости, фразеологизма, до намек на прецедентную ситуацию или прецедентное высказывание, опознание которых требует от читателя определенной подготовки. Используемый в полемике «текст в тексте» имеет различный срок существования – от античных времен до современности (как в случае образцов, заимствованных у противников).

Все используемые в полемике фрагменты чужого текста обладают экспрессивным потенциалом за счет коннотаций, как отрицательных, способствующих передаче негативной оценки, так и положительных, используемых для выражения иронии. Кроме того, употребляемые в качестве средств выражения речевой агрессии, они обладают свойством вызывать ответные агрессивные речевые действия. Например, чрезмерная увлеченность цитированием навлекает на автора упреки в недостатке собственных мыслей, а использование прецедентного высказывания приводит к получению от оппонента иронического прозвища в виде прецедентного имени со всеми его ассоциативными связями. Таким образом, интертекстуальность способна усилить общую агрессивную тональность полемического текста.

Литература

1. Авербах, Л. Опять о Воронском / Л. Авербах // На литературном посту. – 1926. – № 1. – С. 20.

2. Варганова, Е. Л. Язык российских СМИ как индикатор социальных перемен / Е. Л. Варганова // Язык СМИ и политика. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С. 3–7.
3. Волин, Б. Клеветники: Эренбург, Никитин, Брик / Б. Волин // На посту. – 1923. – № 1. – С. 9–28.
4. Воронский, А. К. Мистер Бритлинг пьет чашу до дна (О новонапостовских упражнениях) / А. К. Воронский // Красная новь. – 1926. – № 5. – С. 195–203.
5. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство / Т. А. Воронцова. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2006. – 252 с.
6. Голкор. Критическая оглобля / Голкор // ЛЕФ. – 1923. – № 3. – С. 13–17.
7. Енина, Л. В. Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации / Л. В. Енина // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения: сборник статей. – М.: Независимый институт коммуникативистики, 2002. – С. 104–110.
8. Ингулов, С. На ущербе / С. Ингулов // На посту. – 1923. – № 1. – С. 57–78.
9. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 374 с.
10. Лелевич, Г. Владимир Маяковский (беглые заметки) / Г. Лелевич // На посту. – 1923. – № 1. – С. 133–148.
11. ЛЕФ к бою! // ЛЕФ. – 1923. – № 3. – С. 3.
12. Петрова, Н. Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 160 с.
13. Полемсмель // ЛЕФ. – 1923. – № 3. – С. 34–40.
14. Родов, С. Как ЛЕФ в поход собрался / С. Родов // На посту. – 1923. – № 1. – С. 29–56.
15. Сосновский, Л. Бывший главсокол, ныне центроуж / Л. Сосновский // На посту. – 1923. – № 1. – С. 85–90.
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М. Флинта, 2003. – 694 с.